

Stefanskij, Evgenij

Язык и мифологические ментальные структуры

Etnolingwistyka 23, 137-144

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

II. ROZPRAWY I ANALIZY

Евгений Стефанский
(Самара)

ЯЗЫК И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Autor podejmuje próbę udowodnienia, że starożytne struktury mentalne, które powstały na podstawie mitu i rytuału, egzystują na peryferiach współczesnej świadomości w postaci przesądów, tradycji, zwyczajów, zakazów. Pamięć o tych strukturach jest przechowywana również w języku.

Badanie grupy słów z semantyką gniewu w języku czeskim, polskim i rosyjskim pozwoliło stwierdzić, że w większości z nich (np. cz. *zuřivost*, pol. *wściekłość*, *szal*, ros. *бешенство*, *безумие*, *ошалеть*, *буйный*) zawarte jest jednocześnie pozytywne i negatywne wartościowanie. Na podstawie analizy etymologicznej wymienionej leksyki autor dochodzi do wniosku, że większość z tych słów w starożytności oznaczała tzw. „świętą wściekłość”. Takie zachowanie (dokładniej antyzachowanie) było charakterystyczne dla tzw. trickstera – komicznego dublera bohatera kulturowego. Postać trickstera stała się bazą, na której w efekcie transformacji powstawały różne typy żartownisiów i oszustów w literaturze światowej.

К числу источников, на которые должна опираться реконструкция языковой картины мира, Ежи Бартминьский относит так называемые «околоязыковые» данные, а именно записи устоявшихся верований и ритуальных действий (Bartmiński 2006: 230). Учет данного культурного фона, как считает исследователь, позволяет правильно интерпретировать языковые факты. Например, фразы типа *Солнце радуется*, по мнению ученого, должны рассматриваться не как метафора (анимизация солнца), а как отражение принятого в традиционной культуре отношения к солнцу как к живому существу¹ (Бартминьский 2005: 28).

¹ Об ошибочности метафорического толкования русск. *устье* как слова, в котором запечатлен образ моря, пьющего реку, см. (Агранович, Стефанский 2003: 15–16).

Проблема соотношения концептов, существующих в современном сознании, и древних мифологических ментальных структур, сохраняющихся на его периферии оказывается весьма актуальной для современных аксиологических исследований. Многие исследователи культурных концептов используют в качестве рабочего определения данного термина дефиницию Ю. С. Степанова, который определяет концепт как «сгусток культуры», в виде которого она входит в ментальный мир человека (Степанов 2001: 43). Это определение вполне приемлемо, если считать культуру чем-то неизменным или достаточно стабильным. Если же культура рассматривается в достаточно протяженных временных рамках, то возникает вопрос: существуют ли в сознании современного человека такие основополагающие концепты древности, как, скажем, «тотемное животное», «мировое дерево», «трикстер»? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно. С одной стороны, они не существуют в современном сознании, потому что не составляют его мировоззренческих основ. Например, русские или испанцы знают, что они не произошли от медведей или быков, что ни одно дерево не связывает подземный, срединный и верхний миры, что шутник не может подорвать своими шутками основы мироздания. И вместе с тем многие древние модели мышления, преломляясь, продолжают жить в современной культуре. Так, русские восхищаются человекоподобным поведением медведей в цирке, испанцы регулярно воспроизводят негуманный с точки зрения современного сознания ритуал убийства тотемного животного во время корриды. Весь мир на Новый год наряжает мировое дерево и воспроизводит древний танец, объясняющий мироустройство. Образ трикстера продолжает жить в библейском блудном сыне, в героях плутовских романов. А если из эфира уходят некоторые сатирические программы, то у тех, кто принимает такие решения, по-видимому, срабатывает древнее отношение к трикстеру как к десакрализующей деструктивной силе.

Эти древние модели мышления, мифологические ментальные структуры в древности формировались, по-видимому, на ритуальной основе. По словам Н. Б. Мечковской, ритуал был «закрепленной в действиях и словах картиной мира». Он регламентировал поведение людей в критических, переходных обстоятельствах (Мечковская 2004: 279–297). Переводя эту мысль на язык современных реалий, можно сказать, что ритуал был не инструкцией (которую невозможно было вербализовать из-за отсутствия или неразвитости естественного языка), а своеобразным тренингом, культурным сценарием поведения в важных для коллектива ситуациях. Эти древние ментальные структуры передаются через культуру и в трансформированном виде (в терминологии В. Ю. Михайлина (2000, 2001) – в виде *социальных матриц*) сохраняются на периферии современного сознания – в виде суеверий,

обычаев, традиций, запретов, которые никак логически не объясняются, но неукоснительно соблюдаются («не нами заведено, не нам и отменять»). Среди них можно назвать строгую регламентацию современного похоронного и поминального обряда, запрет показывать пальцем и здороваться через порог, примету, что разбившееся в доме зеркало предвещает смерть одного из членов семьи и т. п.

В определенных социальных условиях эти социальные матрицы могут актуализироваться. Например, в повести А. И. Куприна «Поединок» особенно часто это происходит с поручиком Бек-Агамаловым, черкесом по национальности, в «варварской душе» которого, по словам автора, «тайно дремала старинная, родовая кровожадность». Таким образом, можно, перифразируя эту цитату, сказать, что мифологические ментальные структуры – это древние концепты «сценарного» типа, которые «дремлют» в коллективном сознании определенного социума, но при наступлении определенных социальных условий актуализируются и нередко определяют логику человеческого поведения. Достаточно ярко эта актуализация, вызванная условиями Гражданской войны в России, отражена, например, в «Конармии» И. Бабеля (см. Агранович, Стефанский 2003: 103–106). Однако следы этих древних концептов можно обнаружить и в языке.

Так, среди наименований эмоций в славянских языках достаточно большую группу составляют названия эмоциональных состояний человека (и соотносимых с ними действий и качеств), которые могут использоваться как для передачи высокой степени гнева, так и для обозначения сумасшествия, безумия, бешенства в их медицинском, психиатрическом смысле (см. рус. *бешенство*, *безумие*, *ошалеть*, *буйный*, пол. *wściekłość* ‘бешенство’, *szal* ‘бешенство, безумие’, чеш. *zuřivost* ‘ярость, бешенство’ и др.). Многие из них могут, во-первых, обозначать вообще такое поведение, которое выходит за рамки общепринятых норм, а во-вторых, синкретически совмещать в своей семантике как позитивные, так и негативные ценностные характеристики. Ср., например:

С позитивными ценностными характеристиками

Ale dřel jsem *pocivě* a s jakousi *zuřivostí*. <Но ломил я работу *на совесть* и с какой-то даже *яростью*> (Кундера).

С негативными ценностными характеристиками

Дикая ярость *исказила* лицо девицы, она испустила хриплое *ругательство* <чешск. *Dívka se divoce, zuřivě zašklíbila, přidušeně zaklela*> (Булгаков).

Już był zupełnie spokojny, tak spokojny, że aż go to przerażało. Opuścił go **szal miłości** i nawet pytał sam siebie: czy ona jest kobieta, którą kochał?... <Он [Вокульский] был уже совсем спокоен, настолько, что это спокойствие его даже пугало. **Неистовство страстей** исчезло, и он спрашивал себя, действительно ли эту женщину он любит?> (Прус).

Аннушка отбежала от окна, спустилась вниз к своей двери, быстрехонько открыла ее, спряталась за нею, и в оставленной ею щелке замерцал ее **исступленный** от любопытства глаз <польск. Annuszka odbiegła od okna, zeszła pół piętra do swoich drzwi, szybcieuteńko je otworzyła, schowała się do przedpokoju i w wąskiej szparze niedomkniętych drzwi zamigotało jej **oszałałe** z ciekawości oko> (Булгаков).

По-видимому, этот синкретизм семантики связан с этимологией рассматриваемых лексем.

Чешский этимолог И. Рейзек выводит происхождение глагола *zůřit* из приставочного глагола **vz-juriti*. Современный фонетический облик этого слова сложился в результате переразложения морфем и выпадения некоторых звуков **vz-juriti* > **v-z(j)uriti* > **zuriti* (Rejzek: 743). Корень **jur-* в той или иной степени сохранился во многих славянских языках. В русском языке самое известное слово с этим корнем – *юркий* ‘бойкий, проворный, резвый, живой, скорый, верткий’. Согласно словарю В. И. Даля, оно образовано от глагола *юрить* ‘метаться, суетиться, соваться во все стороны, спешить’ (Даль IV: 668). В украинском языке глагол *юрити* имеет значение ‘бегать, сходить с ума, портить, озорничать, своевольничать’. В современном польском языке имеется прилагательное *jurny* ‘полный темперамента, живой, страстный, чувственный’. В момент своего возникновения в XVI в. оно имело еще и значение ‘развратный, распутный’ (Bogus: 217). В современном польском языке это прилагательное может использоваться в качестве медицинского термина, обозначающего сверхвозбудимого в сексуальном отношении человека (Bańkowski I: 573, 598–599).

Столь широкий спектр значений этого глагола неизбежно наводит на мысль о том, что за действиями, обозначаемыми глаголом *юрить* в разных языках, стоит некий сакральный смысл. Священное безумие, беспорядочное движение, ритуальное вредительство, развратность, – одним словом, антиповедение – все это черты, присущие так называемому мифологическому трикстеру – демонически-комическому дублеру культурного героя, наделенному чертами плута, озорника (см. Мифология: 670). Е. М. Мелетинский, подробно исследовавший в своих работах этот мифологический образ, отмечает, что сосуществование культурного героя и трикстера в одном лице или в виде двух братьев является одной из древнейших форм двойничества (см. Мелетинский 1976, 1994).

«Любые действия трикстера, – отмечает Т. Шабалина, – не поддаются однозначной оценке, в том числе и этической, не укладываясь в рамки

«положительного» или «отрицательного». Для него не существует ни моральных, ни социальных ценностей; он руководствуется лишь собственными страстями и аппетитами, и, несмотря на это, только благодаря его деяниям все ценности обретают свое настоящее значение» (Шабалина). Именно в неоднозначности такой оценки, по-видимому, заключается и синкретизм семантики лексемы *zuřivost*.

Антиповедение трикстера неизбежно вызывало гнев культурного героя. Показательно, что польское прилагательное *jurny* образовалось от глагола *jurzyć* ‘раздражать, побуждать к гневу, враждовать, подстрекать’ (Boryś: 217).

Заглавный герой знаменитого романа Я. Гашека Швейк представляет собой не что иное, как трансформированный в литературе образ трикстера. Типичная реакция военачальников на его внешне простодушные, а на самом деле ехидные рассуждения – гнев, который чаще всего передается в чешском оригинале глаголом *zuřit* и его производными. См., например:

„Poslušné hlásím, že já proto nemyslím, poněvadž je to na vojně vojákům zakázáno. Když jsem byl před léty u 91. regimentu, tak nám náš pan hejtman vždycky říkal: „Voják nesmí sám myslet. Za něho myslí jeho představení. Jakmile voják začne myslet, už to není voják, ale nějaký prachvšivej civilista. Myslení nevede...”

„Držte hubu”, přerušil Švejka zuřivě předseda komise.

– Осмелось доложить, потому, что на военной службе этого не полагается. Когда я несколько лет назад служил в Девяносто первом полку, наш капитан всегда нам говорил: «Солдат не должен думать, за него думает его начальство. Как только солдат начинает думать, это уже не солдат, а так, вшивая дрянь, шляпа. Размышления никогда не доводят...»

– Молчать! – злобно прервал Швейка председатель комиссии.

Положительные коннотации, имеющиеся у лексем с корнем **šal-* (см. рус. *шалной, шалеть, шалить*, польск. *szal, szaleństwo, szaleć, szalony*, чеш. *šílenství*), свидетельствуют о синкретичной, позитивно-негативной, оценке соответствующего состояния и поведения, по крайней мере, в прошлом. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в польском языке у глагола *szaleć* (и его производных *szaleństwo, szalony*) выделяется периферийное значение ‘spędzać czas na hulankach, zabawach, pijatykach, bawić się, hulać’ <проводить время в гулянках, забавах, пьянстве, забавляться, гулять> (SJP III: 291). Польские этимологи отмечают аналогичное значение в XVIII в. и у слова *szal*, характеризуя его как ‘hulaszcza zabawa, hulanka, orgia’ <гулящая забава, гулянка, оргия> (Boryś: 591–592). Важно отметить, что польский глагол *hulać*, в отличие от русского *гулять*, лишен значения ‘совершать прогулку, променад’, которое по-польски передается заимствованным из немецкого языка словом *spacerować*.

В совместной с С. З. Агранович монографии «Миф в слове: продолжение жизни» мы показали, что глаголом *гулять* в славянских языках первоначально синкретически обозначалось и коллективное шествие по определенному маршруту, и впадение во временное экстатическое возбуждение, и демонстративное сексуальное поведение (см. Агранович, Стефанский 2003: 26–29). По-видимому, польский глагол *szaleć* и его производные (как и их этимологические соответствия в других славянских языках) первоначально обозначал эмоциональное состояние «священного безумия», которое испытывали участники таких празднеств. Весьма сходное эмоциональное состояние описано в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», когда после сеанса черной магии произошло «разоблачение» развратника Семплеярова:

Milicjanci biegli w kierunku łoży Siemplejarowa, gapie włązili na poręczu krzesła, słycać było *wybuchy piekielnego śmiechu, oszalałe krzyki, które zagłuszał złoty brzęk talerzy orkiestry.*

К Семплеяровской ложе бежала милиция, на барьер лезли любопытные, слышались *адские взрывы хохота*, бешеные крики, заглушаемые золотым звоном тарелок из оркестра.

Показательно, что в разных славянских языках у лексем, восходящих к корню **šal-*, отмечаются значения ‘шутить’, ‘обманывать’, а сложные существительные со значением лица, в состав которых входит данный корень, обозначают людей, для которых характерно деструктивное поведение. См., например, приводимые в словаре М. Фасмера слова *шалáбола* ‘пустой человек’, *шалабурда* ‘ротозей’, *шалава* ‘негодяй, бродяга, развратник’, *шаломут* ‘смутьян’, *шалопут* ‘бездельник, кутила’ (Фасмер IV: 396–400). Слова с подобными коннотациями возникли и из другой фонетической ипостаси соответствующего праславянского корня **xól-*: *холуй* ‘слуга, лакей, лакействующий приспешник’, *подхалим* ‘низкий, подлый льстец’, *охальник* ‘нахал, озорник’, *нахал* ‘грубый, бесцеремонный человек’ (см. Фасмер, Черных, Brückner). Все перечисленные реалии так или иначе восходят к уже упомянувшейся фигуре трикстера. Таким образом, семантика корня **šal-* эволюционировала от синкретически нерасчлененного состояния священного безумия во время гулянок и празднеств к различным формам неестественного поведения, в том числе к гневу и сумасшествию.

Показательно, что русск. *безумие* и *безумство* могут использоваться с положительными коннотациями. См., например:

Построить город там, где город построить нельзя, – само по себе **безумие**; но построить так один из изящнейших, грандиознейших городов [Венецию] – **гениальное безумие** (Герцен) (БАС₂ I: 447–448).

Безумству храбрых поем мы *славу!* **Безумство** храбрых – вот *мудрость* жизни (Горький) (БАС₂ I: 449).

Интересно, что в первом издании БАС специально ради этой цитаты из горьковской «Песни о Соколе» было выделено новое значение лексемы *безумство* – «переносно: дерзание, великая смелость» (БАС I: 364). Во втором издании это отдельное значение снято. Вместе с тем, как кажется, в данном случае мы имеем дело не столько с парадоксальной индивидуально-авторской лексической сочетаемостью, сколько с использованием древнего семантического потенциала лексемы *безумство*.

Этот потенциал использован и в следующем фрагменте из научного текста, рассказывающего об античных ритуальных практиках: «Античная эстетическая традиция знала и „безумство“, одержимость „мусическим восторгом“, экстазы пения и плясок» (Сидоров) (БАС₂ I: 449).

Кавычки, сигнализирующие о необычном для современного языка значении и употреблении слова *безумство*, здесь вполне правомерны. Но в данном случае вновь имеет место использование древнейшего семантического потенциала данной лексемы, обозначающей «священное безумие».

Таким образом, предпринятый в статье этимологический анализ позволил выявить сохранившиеся в ряде славянских языков следы древнейшего лингвокультурного типажа – трикстера. Эта фигура с различными вариациями известна всем мифологиям мира и дала в результате национально-культурных трансформаций различные фигуры шутов и плутов – от евангельского блудного сына и средневековых героев Рабле до Швейка и Остапа Бендера.²

Литература

- Агранович С. З., Стефанский Е. Е., 2003, *Миф в слове: продолжение жизни*, Самара.
Бартми́нский Ежи, 2005, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва.
БАС – *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
БАС₂ – *Словарь современного русского литературного языка*: В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Русский язык, 1991.
Даль В. И., 1989–1991, *Словарь живого великорусского языка*: В 4 т. М.: Русский язык.
Мелетинский Е. М., 1994, *О литературных архетипах*. Москва.
Мелетинский Е. М., 1976, *Поэтика мифа*, Москва.
Мечковская Н. Б., 2004, *Семиотика: Язык, Природа, Культура*, Москва.

² Ostap Bender – postać fikcyjna stworzona przez dwóch pisarzy, którzy w 1928 r. ogłosili satyryczny utwór: Ilf, Petrov, *Dwanaście krzesel* właśnie z tym bohaterem. Byli to: Ilya Arnoldovich Fainzilberg (1897–1937), pseudonim Ilya Ilf i Evgeny Petrovich Kataev (1903–1942), młodszy brat pisarza Walentina Katajewa, pseudonim Evgeny Petrov. Obaj pochodzili z Odessy, w 1923 r. przyjechali do Moskwy, pracowali jako dziennikarze. Ich bohater Ostap Bender zrobił karierę i wiele jego powiedzonek weszło do języka potocznego (Red.).

- Мифология: Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. 4-е изд. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Михайлин В. Ю., 2001, *Между волком и собакой: Героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях* // *Новое литературное обозрение*, № 47, С. 278–320.
- Михайлин В. Ю., 2000, *Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса* // *Новое литературное обозрение*, № 43, С. 347–393.
- Степанов Ю. С., 2001, *Константы: Словарь русской культуры*. 2-е изд., испр. и доп., Москва.
- Фасмер М., 1987, *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. Москва.
- Черных П. Я., 1993, *Историко-этимологический словарь русского языка*: В 2 т. Москва: Русский язык.
- Шабалина Т., *Трикстер* // «Кругосвет»: Энциклопедия: Электрон. ресурс. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/119/1011926/1011926a1.htm>
- Bañkowski A., 2000, *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: PWN.
- Bartmiński Jerzy, 2006, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin.
- Boryś W., 2005, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków.
- Brückner A., 1974, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Rejzek J., 2001, *Český etymologický slovník*, Praha: Leda.
- SJP – *Słownik języka polskiego* / red. naukowy M. Szymczak: W 3 t., Warszawa, 1981.

Тексты

- Булгаков М. А., 1990, *Собр. соч.*: В 5 т. Т. 5. *Мастер и Маргарита. Письма*. Москва: Художественная литература.
- Гапек Я., 1972, *Приключения храброго солдата Швейка*, Кишинев.
- Кундера М., 2003, *Шутка*, СПб.: Азбука-классика.
- Прус Б., 2003, *Кукла*, Москва: ЭКСМО.
- Bułhakow M., 2004, *Mistrz i Matgorzata*, Warszawa: MUZA SA.
- Hašek J., 2000, *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*, Praha.
- Kundera M., 1996, *Žert*, Brno: Atlantis.
- Prus B., 2002, *Lalka*, Kraków: Zielona Sowa.

LANGUAGE AND MYTHOLOGICAL MENTAL STRUCTURES

The author tries to prove that the ancient mental structures which arose on the basis of myths and rituals, exist in modern mentality as superstitions, traditions, customs, or prohibitions. They are also entrenched in language.

Analyzing a group of words with the meaning of 'anger' in Czech, Polish and Russian, the author notes that many of them (such as Czech *zuřivost*, Polish *wściekłość*, *szal*, Russian *бешенство*, *безумие*, *ошалеть*, *буйный*) have both positive and negative connotations. An etymological analysis of these words shows that many of them in old times denoted a "sacred madness". This kind of behaviour (or anti-behaviour) characterized the so-called trickster, a figure which transformed into cheats and jesters in world literature.